

УДК 323/324(470. 57)

## РЕАЛИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБРАЗОВАНИИ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

**Солощенко Павел Петрович**

*старший преподаватель кафедры философии  
и теории культуры КарГУ им. академика  
Е. А. Букетова (Караганда, Казахстан)*

*Açar sözlər: təhsilə fəaliyyət baxımından yanaşma, dini ekstremizm, fəlsəfə, sivilizasiya, humanizm, cəmiyyət.*

*Ключевые слова: деятельностный подход в образовании, религиозный экстремизм, философия, цивилизация, гуманизм, общество.*

*Keywords: activity approach in education, religious extremism, philosophy, civilization, humanity and society.*

Философия призвана выявить фундаментальные основания общественной жизни, ее системо образующие факторы, интегрирующие разрозненные социальные подсистемы в некоторое качественное определенное единство. В современной философии целостная характеристика общества дается в понятии цивилизации.

Понятие цивилизации, несмотря на свое античное происхождение, продолжает оставаться одним из фундаментальных понятий современной социальной философии, сохраняя при этом свою когнитивную многозначность и смысловой плюрализм. Более того, по мере усложнения социальной организации человечества и возрастания динамизма в процессах общечеловеческого социального развития, социально-философское понятие цивилизации приобретает все большую эвристическую ценность и методологическую значимость. Связано это с тем, что выявление существенных черт, проблем и противоречий современного цивилизационного развития удовлетворяет объективной потребности в повышении качества социальной рефлексии и уровня общественного самосознания.

В сегодняшней действительности – подчеркивает Н. В. Мотрошилова – «философско-теоретические размышления о цивилизации уже никак нельзя отделить от выработки отношения к ней, причем отношения действенного, помогающего активному усвоению и преобразованию цивилизационного опыта человечества и цивилизованию...собственной страны»[1; 19]. А это, в свою очередь, требует выведения опыта цивилизации «на более высокий, чем сегодня, более сознательный, рациональный, гуманный уровень»[1; 21].

Одним из наиболее серьезных вызовов, с которым сегодня сталкивается цивилизация, является существование различных проявлений экстремизма. Наиболее общее определение экстремизма характеризует это явление как приверженность к крайним взглядам и мерам, нетерпимость к иным мировоззренческим позициям и ценностям, что приводит к дестабилизации общественной жизни и нарушению устойчивого развития государства. Экстремистская деятельность во многом связана со стремлением к насильственному изменению государственного строя или насильственному захвату власти, попытками нарушить суверенитет и территориальную целостность государства.

Зачастую, эту деятельность прикрывают религиозными убеждениями, что и приводит к появлению религиозного экстремизма. Религиозный экстремизм – это экстремизм, проявляющийся в нетерпимости к представителям иных религиозных конфессий, в жестком противоборстве между различными течениями внутри одной конфессии, в резком росте напряженности между религиозной группой и ее социальным окружением.

Современный религиозный экстремизм представляет собой весьма сложное социальное явление, обладающее рядом характерных черт. Во-первых, это широта распространения. Почти везде, где есть сколь-нибудь значимые религиозные организации, наблюдается процесс усиления их политической активности. Хотя питательная среда и база религиозного экстремизма, главным образом, – маргинальные и люмпенизированные слои и группы населения, заметно, что этот процесс затрагивает и высшие слои общества, проявляясь в демонстративной приверженности к религиозному образу жизни. Во-вторых, это полицентризм и неоднородность.

Религиозные политические движения не располагают единым руководящим или организационным центром, как правило, даже на уровне отдельных стран. Более того, имеет место соперничество, а нередко и

противоборство между соперничающими религиозными экстремистскими структурами различных уровней. В-третьих, транснациональный характер. Как правило, обращение к религиозным традициям является ответной реакцией на конкретный локальный кризис или кризисные явления в различной национальной среде. Однако, несмотря на всю очевидную специфику конкретных кризисов, они обладают явным сходством, а посему развивающиеся в их условиях религиозные политические движения, не признающие национальных границ, могут быть классифицированы как транснациональный феномен. В-четвертых, устойчивость.

Религиозный экстремизм обладает стабильной жизнеспособностью на протяжении всей политической истории религиозных движений, а точнее, определенной исторической повторяемостью. Религиозный экстремизм как бы окрашивает соответствующие кризисные социально-политические процессы и является своеобразной формой их исторической эволюции, обладая высоким потенциалом адаптации, легко приспосабливается к различным социально-политическим условиям.

Базовым методологическим принципом научного исследования религиозного экстремизма, с нашей точки зрения, является его понимание как своеобразной реакции наименее благополучных слоев общества на крупные социальные потрясения и кризисы, регулярно повторявшиеся в современной социальной истории. Кризисные явления в обществе, связанные с непропорциональным распределением национального богатства, социальной несправедливостью, ошибками властей и их низкой компетентностью становятся благоприятной почвой для созревания экстремистских взглядов в сознании людей.

Можно предполагать, что сами по себе религиозные убеждения, как и любые другие духовные ценности, в своих мировоззренческих началах не являются неким социальным злом. Напротив, по своей духовной природе религия способна оказывать положительное влияние на общественные связи и отношения. Так, например, стремление любого государства к устойчивому социально-экономическому и политическому развитию вполне успешно может опираться и на важнейшие заповеди подлинной религиозности, проповедующие любовь, милосердие, доверие, честность, открытость, бескорыстие, уважение ко всем людям, достойное поведение в обществе, возрастание добра в деятельности людей и их отношении друг к другу. Что,

собственно, и является сущностью любой религии как способа духовного совершенствования собственными усилиями человеческого начала в самом себе. Если же так называемый «верующий» прибегает к агрессивным насильственным методам навязывания своих религиозных убеждений другим людям, осуждает «неверных» и готов бороться в первую очередь с ними, а не с собственным несовершенством, то это следует оценивать как следствие псевдорелигиозности.

О необходимости формирования устойчивых мировоззренческих основ социального противодействия религиозному экстремизму не устает напоминать Президент Республики Казахстан Н. А. Назарбаев. В своем Послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050». Новый политический курс состоявшегося государства» в разделе «Религия в Казахстане XXI века» он отметил тот факт, что Конституция гарантирует каждому свободу вероисповедания. Однако, как известно, безграничной свободы не бывает, это – хаос. Все должно быть в рамках Конституции и законов. У всех есть право выбора.

Однако, к выбору религиозных предпочтений нужно относиться очень ответственно, ведь от него зависит жизненный уклад, быт, часто вся жизнь человека. Сегодня, в век Интернета и высоких технологий, когда информационный поток колоссален, «фильтр» должен быть внутри человека. Поэтому необходимо формировать религиозное сознание, соответствующее традициям и культурным нормам страны. Нельзя допускать, чтобы искренняя вера подменялась агрессивным и разрушительным фанатизмом и экстремизмом. За псевдорелигиозной риторикой часто скрывается преступная деятельность, подрывающая основы общества, покушающаяся на мир и стабильность в нашей стране. Это испытание на прочность нашей государственности и гражданской зрелости. Поэтому и необходимо формировать новые надежные механизмы преодоления социальной, этнической и религиозной напряженности и конфликтов, строго придерживаясь принципа свободы совести, традиций толерантности и веротерпимости [2].

В светском государстве, каковым является Казахстан, религия по своему мировоззренческому статусу не может вмешиваться в деятельность государства, а тем более подменять эту деятельность своими принципами. Само же государство отказывается от односторонних силовых методов

регулирования деятельности религиозных организаций. Однако, государство как социальный институт, действующий в интересах всех граждан, не должно быть и безучастным наблюдателем того, что происходит в религиозной жизни его граждан, в межконфессиональных отношениях в обществе. Государству необходимо внимательно и систематически проводить исследования состояния дел в религиозной сфере, контролируя и регулируя процессы и взаимоотношения в этой области с целью обеспечения духовной и социально-психологической безопасности, всемерно способствуя укреплению духовно-нравственных начал общественного бытия.

Поэтому одной из приоритетных задач современного социогуманитарного направления в науке Казахстана является разработка теоретико-практических рекомендаций, направленных на сохранение и упрочение религиозной толерантности, межконфессионального диалога и согласия в обществе. Нельзя не согласиться с тем фактом, что с разрушением прежней тоталитарной идеологии роль религии в нашем обществе значительно возрастает. Однако, с нашей точки зрения, этот рост происходит в условиях сохранения тех мировоззренческих установок, в которых и традиционные монотеистические религии, и новые религиозные организации, по-прежнему, проповедуют свою абсолютность и исключительность.

Претензия на собственную непогрешимость оборачивается появлением первых признаков религиозного экстремизма, а именно, появлением людей, считающих себя избранным народом, постигшим абсолютную истину и призванным добиться победы своего учения в истории. Возникающие в условиях открытого общества новые группы верующих, зачастую, стремятся к самоутверждению через убежденность в непогрешимости избранного учения и его обязательности для остальных членов общества.

Самоидентификация религиозных личностей, как и религиозных организаций, в целом, достигается главным образом через критику и осуждение других. Во многом это связано как с низким уровнем культуры социального поведения во всем обществе, так и с неграмотностью населения в вопросах образовательного, психологического, правового понимания религии, что приводит к неспособности большинства населения, и в особенности, молодежи противостоять манипулятивному воздействию заинтересованных лиц [3].

Согласно М. К. Мамардашвили, цивилизация лишь постольку способна стать «обществом свободных производителей» (и, следовательно, людей

способных научиться если не полностью устранять, то сдерживать и предотвращать процессы социального абсурда), поскольку человек, причем в самых повседневных, по видимости элементарных производительных, организационных, коммуникативных действиях, не будет надеяться на невозможное – «перескочить через труд свободы, через бремя развития самого себя» и через труд напряженного, последовательного, максимально точного мышления. Цивилизационное развитие органично связано со способностью воплощать в индивидуальных усилиях по овладению тем или иным видом деятельности социально необходимое. Антицивилизационный процесс начинается тогда, когда человек с безразличием относится к собственному делу.

Задача цивилизационного развития заключается в том, чтобы люди стали способны к современному труду. М. К. Мамардашвили обращает внимание на опасность связанную с разрушением или отсутствием цивилизационных основ процесса жизни, которое «что-то производит и с человеческим элементом, с человеческой материей жизни, выражаясь в антропологической катастрофе, которая, может быть, является прототипом любых иных возможных глобальных катастроф»[4; 391]. Произойти это может в результате нарушения законов, по которым устроено и человеческое сознание, и связанная с деятельностью сознания цивилизация.

Интерпретируя идею Декарта о неразрывной связи между человеческим существованием и мышлением, М. К. Мамардашвили подчеркивает, что в этом непосредственно очевидном бытии «я есть» не только обнаруживается определенная зависимость всего происходящего в мире от собственных действий человека, но и обнаруживается исходный пункт достоверности для любого мыслимого знания. «В этом смысле человек – существо, способное сказать «я мыслю, я существую, я могу» - и есть возможность и условие мира, который он может понимать, в котором может по-человечески действовать, за что-то отвечать и что-то знать» [4; 393]. Данный принцип онтологически обосновывает соучастие человеческого мышления в становлении мира.

Отказ принципа «я могу» ведет к доминированию принципа «только не я могу», в котором деятельностное начало приписывается кому угодно, только не самому человеку. То есть возможность действовать связана в таком случае с признанием «самодействующего, за меня работающего механизма». А принцип самостоятельности мышления утверждает, что «возможность способна реализоваться только при условии моего собственного труда и

духовного усилия к своему освобождению и развитию (это, конечно, труднее всего на свете)» [4; 394]. И только таким образом наша деятельность оказывается необходимым элементом в мироздании, когда все что происходит вокруг «оказывается не необратимо, не окончательно, не задано целиком и полностью. Иначе говоря, не безнадежно. В вечно становящемся мире для меня и моего действия всегда есть место, если я готов начать все с начала, начать от себя, ставшего» [4; 394].

Вся проблема человеческого бытия, согласно М. Мамардашвили, состоит в том, что мы постоянно должны пребывать в ситуации, поддающейся осмысленной оценке и решению. Цивилизованное состояние это и есть соответствие наших мыследействий реальной ситуации. Поэтому цивилизация есть особый способ обеспечения условий для осуществления мышления. «Она обеспечивает систему отстранений от конкретных смыслов и содержаний, создает пространство реализации и шанс для того, чтобы мысль, начавшаяся в момент А, в следующий момент Б могла бы быть мыслью.

Или человеческое состояние, начавшееся в момент А, в момент Б могло бы быть человеческим состоянием» [4; 398]. Цивилизация прокладывает «тропы связного пространства для мышления», которые представляют собой «тропы гласности, обсуждения, взаимотерпимости, формального законопорядка». Законы существуют только при наличии свободных людей, готовых к их отстаиванию. Цивилизация предполагает формальные механизмы упорядоченного, правового поведения, а не основанные на чьей-то милости, идее или доброй воле. Это и есть условие социального, гражданского мышления.

Призыв вести себя цивилизованно означают не что иное, как призыв к выходу за пределы той проблемной ситуации, которая кажется нам неразрешимой с точки зрения уже имеющегося опыта. Чтобы состоялся акт цивилизационного взаимодействия людей необходимо освоение культурно-правового, надситуативного поведения. «Когда под лозунгом потустороннего совершенства устраняются все формальные механизмы, именно на том основании, что они формальны, а значит, абстрактны в сравнении с непосредственной человеческой действительностью, легко критикуемы, то люди лишают себя и возможности быть людьми, т. е. иметь не распавшееся, не только знаковое сознание» [4; 399]. Противостоять проявлениям «естественной дикости» человеческой природы, которая может принимать

вполне респектабельные формы, можно только посредством воспитания гражданина, имеющего и реализующего право мыслить своим умом. В свою очередь, таковое право может возникнуть лишь в том случае, когда средства достижения целей сами законны.

«Нельзя волепроизвольными и административными, т. е. незаконными средствами внедрять закон, даже руководствуясь при этом наилучшими намерениями и высокими соображениями...Цели законов достигаются только законными путями» [4; 400]. Правопорядок как результат цивилизационного развития возможен именно потому, что закон существует не сам по себе, а в человеческих индивидах и в понимании ими своего дела. «Возможность обойти индивида исключена не в силу гуманистического предпочтения и заботы о человеке, а в силу непреложного устройства самого бытия, жизни. Только на уровне сущностного равенства индивидов может что-либо происходить» [4;401].

Поэтому выход из наличных кризисов цивилизационного развития требует не только коренного изменения доминирующих в современной политике и экономике идеалов господства, ориентированных на силовое преобразование объектов, но и выработки новой методологии, способной предложить иную фундаментальную стратегию цивилизационного развития, учитывающую активное сознательное деятельностное участие как можно большего числа людей в ее реализации.

Такое участие, в нашем понимании, достижимо только путем развития критического мышления молодых людей, когда основным способом противодействия любым проявлениям экстремизма становится умение самого человека выбирать наиболее разумный способ достижения своего индивидуального и социального благополучия, противодействуя всевозможным деструктивным вызовам современной цивилизации.

Для создания условий, помогающих развиваться данному умению, с нашей точки зрения, на всех уровнях социальной практики необходимо реализовывать принцип демократизации образования, признающий за каждым членом общества способность к самостоятельному овладению универсальным, деятельностным способом взаимосвязи с окружающим миром и позволяющий каждому человеку стать активным участником современных социальных преобразований [5].



Раб, согласно Платону, – это человек, который позволяет другому человеку определять цели, направляющие его поведение. Это определение применимо к людям, живущим там, где нет рабства в правовом смысле. Рабство есть везде, где люди не понимают смысла своей социальной деятельности, и не имеют личной заинтересованности в ней. Поскольку демократическое общество отвергает внешнее принуждение, оно видит перспективу своего развития в добровольном и сознательном выполнении людьми своих социальных обязанностей, что достигается лишь посредством равнодоступного для всех слоев общества образования. Демократия – нечто большее, чем просто определенная форма правления.

Прежде всего, это форма совместной жизни, форма взаимообмена опытом. При демократии в обществе постоянно растет число людей, готовых согласовывать свои действия с действиями других и учитывать чужие интересы, определяя цель и направления своих собственных. Все это способствует разрушению барьеров любой социальной ограниченности, которые не дают людям осознать до конца смысл своих действий. Более многочисленные и разносторонние контакты означают большее разнообразие стимулов, на которые человеку приходится реагировать и которые, в свою очередь, заставляют его разнообразить свое поведение. Они высвобождают силы, остающиеся невостребованными, когда побуждения к действию носят односторонний характер, как это бывает в группах, во имя сохранения своей замкнутости подавляющих многие интересы.

В самом широком смысле социальная эффективность образования есть не что иное, как социализация сознания, активно озабоченного тем, чтобы сделать человеческий опыт более пригодным к передаче и разрушить барьеры социальной стратификации, делающие людей невосприимчивыми к интересам друг друга. Как писал Д. Дьюи: «Когда социальную эффективность сводят к прямому и явному исполнению служебных обязанностей, то упускают ее главную составляющую (и единственную гарантию) – разумное сочувствие, добрую волю. Сочувствие как желательное социальное качество – нечто большее, нежели просто сопереживание, это развитая чувствительность ко всему, что объединяет людей, и неприятие того, что их без нужды разделяет. Так называя бескорыстная забота о других людях порой скрывает неосознанное стремление диктовать им, в чем состоит их благо, вместо того чтобы освободить их для поиска собственного пути.

Социальная эффективность и даже общественное служение остаются пустыми и холодными словами, если у человека, употребляющего их, нет ясного понимания того, что в жизни для разных людей благом могут оказываться самые разные вещи и что поощрять каждого человека к разумному собственному выбору полезно для общества» [6;116].

Поэтому обществу необходимо формирование новой культуры деятельности, важнейшим условием которой является овладение рефлексивной способностью в мышлении. Поскольку, прежде всего, данная способность позволяет любому из участников социально значимой деятельности подключаться к ней на различных этапах, начиная уже с процесса определения мотивов и целей самой деятельности, объективно лишая тем самым его возможности быть «обреченным» на роль пассивного исполнителя чужой воли.

Естественно, что человек, обладающий рефлексивной способностью, более подготовлен к рациональной организации своей деятельности на всех уровнях и этапах ее осуществления. Он менее зависим от влияния случайных обстоятельств. Он не нуждается в постоянной опеке над собой. И как следствие, в корне меняется характер взаимоотношений между человеком, коллективом, социумом в целом.

С одной стороны, коллектив, а через него и социум, становятся заинтересованными в разностороннем развитии человека. И в первую очередь – в развитии его мыслительных способностей, а не только тех качеств, которые вменяются ему в обязанность по ходу осуществления коллективной деятельности. Поэтому у социума нет оснований для создания его членам преград в сфере их приобщения к достижениям культуры, аккумулирующей в себе весь предшествующий социальный опыт. Как и нет нужды в постоянной опеке над ними со стороны самого социума.

А с другой – сопричастность человека к принимаемым социумом решениям, равно как и возможность участвовать в корректировке хода их выполнения, сводит к минимуму возможность для него быть использованным другими в качестве средства для достижения чьих-то корыстных целей.

Кроме того, именно непосредственное участие человека в согласовательном процессе на всех этапах планирования и организации совместной деятельности способствует выработке у всех ее участников совершенно иного отношения к своей роли на этапе практической реализации задуманного.

Прежде всего, сам этот процесс еще на стадии проектирования приобретает определенную степень социальной значимости и ценности. Ведь он был детерминирован целями, которые сами по себе не могли быть обращены против общества. Это связано с тем, что субъект-субъектная парадигма, которая является определяющей в демократически организованном обществе, не приемлет в принципе отработку вариантов, противоречащих интересам, как отдельного человека, так и любого типа социальности.

Использование методологии деятельностного подхода в системе образования как раз и состоит в том, чтобы заложить в человеке фундамент способностей к самореализации, саморазвитию, саморегуляции, необходимых не только для его свободной гражданской и профессиональной ориентации, но и, главным образом, для появления способности развернуть свой внутренний духовный потенциал, выбрать и выстроить собственный мир ценностей, войти в мир знаний, овладеть творческими способами решения научных и жизненных проблем, открыть рефлексивный мир собственного «я» и научиться управлять им.

Однако, как показывает практика, сегодня многие меры, направленные на преобразование системы образования, реализуются в русле старой «субъект-объектной» парадигмы социальной деятельности, и в образовательном процессе по-прежнему преобладают технологии, ориентированные на подготовку учащихся к будущей деятельности в условиях, где содержание, нормы деятельности, мера самостоятельности и инициативы для них предопределены извне. Это и заставляет настаивать на скорейшем внедрении в образовательную практику нового подхода к пониманию сущности социальной деятельности, основанного на субъектно-субъектном характере взаимоотношений между всеми ее участниками, исключающего в принципе возможность использовать любого субъекта, будь то физический или юридический, в качестве объекта, даже под видом, так называемых «государственных нужд».

Построение социальной деятельности на принципиально новой основе, несомненно, даст импульс для универсализации способностей любого конкретного человека в совершенно ином ракурсе. В условиях многовекового господства старой парадигмы эти способности были направлены только на то, чтобы заставить другого служить своим собственным интересам. И это, конечно же, не может не являться определенной помехой, сдерживающей

проявление поистине беспредельных возможностей человеческой природы. В то время как их актуализация, проявление и совершенствование и является важнейшим условием дальнейшего цивилизационного развития и общественного прогресса, когда опасность религиозного экстремизма, как и любого иного, будет сведена к минимуму усилиями самих образованных людей.

### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. – М. : ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. – 480 с.
2. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. 17 января 2014 г. «Казахстанский путь – 2050: Единая цель, единые интересы, единое будущее». Официальный сайт Президента Республики Казахстан. [Электронный ресурс] // Мемориал [сайт]. URL: <http://www.akorda.kz> (дата обращения 17. 02. 2015).
3. Религия в политике и культуре современного Казахстана: научное издание / гл. ред. А. Н. Нысанбаев. - Астана: Елорда, 2004. – 309 с.
4. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация / Путь в философию. Антология. – М. : ПЕР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2001. – 445 с.
5. Батурин В. С. Состояние и проблемы постсоветского образования в контексте теории деятельности // Вестник Оренбургского государственного университета. - 2012. - №7. - С. 114-120.
6. Дьюи. Дж. Демократия и образование: Пер. с англ. – М. : Педагогика-Пресс, 2000. – 383 с.

## РЕЗЮМЕ

Одной из центральных проблем социальной философии является проблема поиска и научного объяснения закономерностей общественного развития в ходе исторической эволюции человеческого общества. В отличие от конкретных наук философия призвана исследовать всеобщее в историческом процессе, поэтому она не ставит перед собой задачу ответить на вопрос о причинах конкретных явлений, но создает методологические основания для разработки подходов к исследованию природы и сущности общественного развития. При этом философия опирается на собственные мировоззренческие установки и участвует в разработке категориального аппарата общественных наук.

*Soloşsenko Pavel Petroviç*

## XÜLASƏ

Sosial fəlsəfədə mərkəzi problemlərdən biri insan cəmiyyətinin tarixi təkamülün elmi izahı və sosial inkişaf qanunlarının axtarışdır. Konkret elmləri fəlsəfə fərqli olaraq ümumiyyətlə tarixi prosesi tədqiq etmək məqsədi, belə ki, özü xüsusi hadisələrin səbəbləri barədə suala cavab vəzifəsi müəyyən etmir, lakin sosial inkişaf təbiəti və mahiyyəti öyrənilməsi yanaşmaların inkişafı üçün metodoloji əsas yaradır. Bu fəlsəfə öz dünyagörüşünə söykənən və Sosial Elmlər qəti aparatının hazırlanmasında iştirak edir.

*Soloschenko Pavel Petrovich*

## RESUME

One of the central problems in the social philosophy is the search for a scientific explanation and laws of social development in the historical evolution of human society. In contrast to the concrete sciences philosophy aims to explore the historical process in general, so it does not set itself the task to answer the question about the causes of specific phenomena, but creates a methodological basis for the development of approaches to the study of the nature and essence of social development. In this philosophy is based on our own worldviews and participates in the development of categorical apparatus of Social Sciences.